

РАЗДЕЛ «ПОЛИТОЛОГИЯ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCE»

ПРОБЛЕМЫ ГЕОПОЛИТИКИ /
PROBLEMS OF GEOPOLITICS

Серия «Политология. Религиоведение»

2013. № 1 (10). С. 9–19

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 327(100)

Угроза гегемонии Запада

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена анализу монографии А. Брюне, Ж.-П. Гишара «Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения». Рассмотрены исторические, социально-экономические и идейно-теоретические обоснования концепции авторов.

Ключевые слова: геополитика, меркантилизм, история английской и американской гегемонии, Китай, Япония, Евросоюз, ВТО, Запад, Восток.

Замедление темпов роста, увеличение безработицы, финансовые кризисы и т. п. признаки неэффективности западной (демократической) модели капитализма, нарастающие в странах как либеральной, так и социал-демократической ориентации, заставляют интеллектуалов искать объяснение этому феномену. Исследование А. Брюне и Ж.-П. Гишара представляет собой работу, принадлежащую к течению либеральной научной мысли, пытающейся объяснить и найти выход из системного кризиса, в котором оказалась западная цивилизация в начале XXI в.

Примечательным является то, что авторы видят решение нарастающих проблем не в развитии политэкономической теории, а в возврате к ее истокам. Для этого они совершают глубокое погружение в историю Европы, объясняя ее с точки зрения использования политики меркантилизма и внешнеторгового профицита. По их мнению, меркантилистская стратегия, лежавшая в основе парадигмы молодого европейского капитализма, позволявшая поддерживать внешнеторговый профицит, являлась эффективным и обязательным инструментом для передовых стран XVIII в.

Как пишут авторы, с середины XVIII в. в экономической теории произошел переворот: деятели Просвещения, развивая концепции индивидуализма, укоренили мысль о том, что экономический обмен выгоден всем его участникам, индивидам или государствам. Появление классической экономики возвело свободу обмена в догму, которая работает до сих пор и воплощена в огромный

институт – ВТО. А когда установилась английская гегемония, появилась новая теория, согласно которой международный обмен выгоден всем [1, с. 48].

Провозглашение торговли основным инструментом решения всех проблем, опиравшееся на успехи промышленности развитых стран Европы, стало магистральным направлением их внешней политики. Доминирование в международной торговле означало и гегемонию в мире. Благодаря этому некоторое время в XVII в. маленькая Голландия при помощи определенной технологии доминировала в мировой торговле. Однако она была слишком мала для этого, и в начале XIX в. эта роль была захвачена Англией [1, с. 51].

Английская гегемония в международной торговле воспринималась другими ведущими мировыми игроками в штыки и даже в самой Британской империи вызывала яростное сопротивление. В частности, авторы указывают, что причиной отделения североамериканских колоний стало нежелание платить втридорога за английские товары и желание развивать собственную местную промышленность. Английские колонии не могли поглотить все производимую Англией промышленную продукцию, и она стала рваться на европейский континент. Поражение Наполеона открыло Англии дорогу, и с 1815 г. в течение века она доминировала в мировой торговле. При этом она, исходя из ситуации, а главное из собственного интереса, применяла протекционизм или свободную торговлю, например, в отношении Индии и Китая [1, с. 52–53].

Добившаяся успеха великая держава непрерывно должна подтверждать свое превосходство. Англии безуспешно противодействовали сначала Франция, затем Германия и США. И только в 1940 г. последним удалось оттеснить Англию с позиций гегемона. В свою очередь США пришлось подавить притязания Германии и Японии, прежде чем противостоять СССР в течение 45 лет (с 1945 по 1989 г.) и Японии в течение более 25 лет (с 1965 по 1991 г.), а сейчас их лидерству угрожает Китай [1, с. 63].

Почему же ни у кого, кроме США, не получилось сменить гегемона? Меркантилистская стратегия, позволяющая поддерживать внешнеторговый профицит, является эффективным и обязательным инструментом, позволившим Англии сохранять свое доминирование 130 лет, а США – уже 70 лет. Эту стратегию применяли Франция, затем Германия, угрожая Британской империи, хотя и безуспешно. Эта же стратегия была выбрана Японией, создававшей серьезные проблемы США. Наконец, эта стратегия была избрана Китаем 15 лет назад, благодаря чему он всерьез соперничает с Америкой.

Зато Германия и Япония в 1940-х гг. не могли ее применять, поэтому они использовали непосредственную милитаристскую стратегию, что привело их к краху во Второй мировой войне. Тем же закончилась попытка руководства СССР, в основном из-за неудач экономического плана, обернувшихся регулярным торговым дефицитом, приведшим к экономическому и военному застою и геополитическому ослаблению [1, с. 63].

Переходы от одного гегемона к другому драматичны и происходят в кризисные моменты. США стали гегемоном после того, как Германия в 1940 г. нанесла военное поражение франко-британскому союзу. Так же и Китай сделал рывок вперед после кризиса 2007 г. [1, с. 64].

Таким образом, как утверждают авторы монографии, в течение примерно четырех веков мировая история была историей доминирования Европы, а затем и ее проекции по ту сторону Атлантического океана. Это доминирование с экономической точки зрения было историей меркантилизма, стратегии внешнеторгового профицита [1, с. 210].

Сегодняшний мировой кризис и рецессия уходят корнями в последнюю четверть XX в. Успешному рывку Китая предшествовало «японское чудо», осуществленное за счет грамотного проведения ею меркантилистской стратегии. Но Японии в 1980 г. под давлением США пришлось отказаться от валютного контроля, что, в конечном счете, и привело ее к кризису. В 1985 г., когда курс доллара был сильно завышен, Япония, наращивая свой экспорт, прежде всего в США, вызвала недовольство американских промышленников. Это привело к давлению США на Японию с целью повышения курса иены. Она вынуждена была подчиниться, что спровоцировало кризисные явления и спад производства, продолжавшиеся до 1995 г. Причиной этой валютной войны стало то, что в этот период США проводили политику сближения с Китаем, а СССР перестал существовать, и Япония в качестве союзника была им не нужна [1, с. 83, 95].

Как пишут авторы, «...президент Никсон в 1968 г. недальновидно заключил сделку с дьяволом. В результате более-менее сложившийся политический сговор перешел в экономический сговор, жертвой которого стала Япония». В 1972 г. США установили дипотношения с Китаем. Это запустило процесс, значение которого впоследствии стало решающим для судеб человечества. В 1980-е гг. Китай превратился в основного союзника американского бизнеса в борьбе с японским. Несомненно, Никсон надеялся быстро преобразовать Китай в «обычную» капиталистическую страну: это было началом американских иллюзий, так как китайцы и после смерти Мао намеревались сохранить свою тоталитарную организацию [1, с. 102, 107, 110, 111].

Проводя взаимовыгодную политику, Китай в 1994 г. понизил курс юаня на 40 %, что еще больше ухудшило ситуацию в японской экономике. Однако в середине 1990-х гг. в отношениях США и Китая из-за Тайваня произошел кризис, после чего США вновь потребовалась Япония в качестве союзника, и они прекратили давление на иену. Но меркантилистская модель Японии была уже сломана, и она не смогла вернуться к былому стремительному развитию [1, с. 84].

Таким образом, в период с середины 1989 г. до начала 1994 г. СССР и Япония рухнули, оставив лицом к лицу Китай и США, два сильнейших государства планеты. Однако в тот момент американцы были настолько опьянены своей победой вследствие развала СССР, что совершенно не осознавали ни значения усиления мощи Китая, ни того факта, что он приписывает им роль «главного врага».

А руководители КПК, напротив, хорошо понимали абсолютное противоречие между их моделью тоталитарного капитализма и моделью демократического капитализма западных стран и Японии [1, с. 128].

Китайские руководители старались не обострять отношений с США и искали точки соприкосновения. И руководство США к концу 1990-х гг. стало

рассматривать «тайваньский кризис» как случайность и вернулось к политике стратегического партнерства с КНР. КПК внимательно изучила опыт Японии и СССР в борьбе с США за мировую гегемонию. Видя, как уничтожил себя СССР, как отступила Япония, они выработали свою стратегию, учитывавшую чужие ошибки и собственные преимущества и ресурсы.

Китай с 1989 г. применяет методы, использованные Японией в 1945–1985 гг.: низкие зарплаты, низкие процентные ставки, заниженный валютный курс, барьеры для ввоза иностранных капиталов. Но реакция американского бизнеса на китайскую политику была иной. Причина в том, что значительная часть капиталов американской олигархии связана с китайской, чего не было в случае с Японией. Фирмы Страны восходящего солнца на рынках США и мира представляли для американских олигархов опасных конкурентов, к тому же американские фирмы не извлекали прибыли из заниженного курса иены [1, с. 86].

Китай располагает принципиальным преимуществом, позволяющим ему иметь торговый профицит – почасовыми затратами на оплату труда в 40–100 раз меньшими, чем в США и Западной Европе. Это делает его продукцию более конкурентной, чем у Индии, России, Мексики, Бразилии, Индонезии и Турции.

Главное объяснение этому – огромная резервная армия бедного крестьянства, готового работать за любую зарплату. Но кроме этого, присущего и другим странам «третьего мира» обстоятельства, существует еще четыре специфических фактора, присущих только Китаю. Это: «хукоу», что-то вроде внутреннего паспорта (позволяющего контролировать и ограничивать внутреннюю миграцию); страшные политические репрессии; ограничение рождаемости одним ребенком и заниженный регулируемый обменный курс юаня [1, с. 91].

Руководство Китая поддерживает низкие зарплаты большинства работающих, используя репрессивные и административные методы, вызывающие протест у его граждан. Для обеспечения покорности населения правящий слой КПК не стал развенчивать политику Мао Цзэдуна, «для того, чтобы китайское население продолжало повиноваться, ... чтобы оно помнило со страхом “период Мао” и продолжало бояться возможного возврата волны массовых и жестоких репрессий со стороны государства и КПК». Коммунистическая партия старается, чтобы население оставалось раздробленным перед всемогущим государством [1, с. 34].

Кровавая расправа на площади Тяньаньмэнь, по мнению авторов, подтвердила, таким образом, выбор тоталитарного капитализма для «народного» Китая и отказ от альтернативного демократического капитализма. Это выбор в пользу общества без свободы, организованного вокруг мощного государства в руках единственной партии; выбор экономической организации, дающей определенную свободу предпринимателям партии, чтобы они могли получать большие прибыли и обеспечивали значительное накопление капитала; выбор тесного союза государства и предпринимателей согласно меркантилистской схеме, включающей сильный экономический рост, получаемый благодаря экспорту [1, с. 128].

Несмотря на социалистическую риторику, КПК строит «суверенный капитализм», обладающий рядом специфических черт. По определению руко-

водства Китая, он является страной с плановой экономикой. В китайском «патриотическом» капитализме есть правило: предприятие не должно идти против интересов государства и КПК. Руководство предприятий состоит в КПК, поэтому, если любое лицо за рубежом проводит антикитайскую политику, его бойкотируют все китайские структуры и бизнес.

В «патриотическом» тоталитарном капитализме взамен этому бизнес получает право держать на низком уровне зарплату. Для этого около половины рабочей силы Китая находится в «нелегальном» положении, т. е. лишены всех социальных прав, эксплуатируется в условиях, близких к рабству [1, с. 100, 167].

Развитие капитализма в Китае не ведет к развитию демократии. По мнению авторов, «никоим образом нельзя утверждать, что демократический капитализм спонтанно восторжествует над тоталитарным капитализмом. Аналитики, которые предлагают верить в конечное превосходство демократической капиталистической модели, по мнению авторов, усыпляют нашу бдительность, ибо нет абсолютного правила в этой сфере» [1, с. 38].

Большое значение руководство Китая придает процессу получения технологий. В 1980–1990-е гг. для их получения Китай проводил политику создания совместных предприятий с 51 % отечественного капитала. С начала 2000-х гг. СП потеряли свое значение, отныне торговое господство – способ получения современных технологий.

Китай импортирует ежемесячно товаров, и в том числе машин и оборудования, на сумму в 100 млрд \$. Причем импорт некоторых достигает 50 % мирового рынка. Оборудование приобретается с условием получения прав и технологий его производства [1, с. 101].

Все эти преимущества и особенности позволили Китаю в короткий срок совершить прыжок и в начале XXI в. оказаться в клубе экономических супердержав. Как пишут авторы, «2001 год отмечен переворотом в международных отношениях: конечно, произошла ужасная драма 11 сентября, но самым значительным фактом было вступление Китая в ВТО, которое имело важные последствия для будущего международной торговли. Китай смог вступить в ВТО, сохранив исключительную привилегию по установлению валютного курса; следовательно, он больше не боится таможенного протекционизма своих партнеров – членов клуба ВТО, и в то же время получает прибыль от валютного протекционизма, который поддерживает через свой “управляемый” валютный курс» [1, с. 122].

Они подчеркивают, что валютный протекционизм и таможенный протекционизм одинаковы и взаимозаменяемы. Китай навязывает всему миру курс в 6,8 юаней к доллару вместо 3,4, что равноценно введению 100%-ной таможенной пошлины на стоимость товара или субсидированию экспорта своих товаров в 50 % их цены. Благодаря своему вступлению в ВТО Китаю удалось запретить его членам использовать любой оборонительный таможенный протекционизм в ответ на свой агрессивный валютный протекционизм. За семь лет (2001–2008) Китай увеличил свою долю в мировом экспорте с 5 до 12 %. Однако, по мнению авторов, на самом деле она может достигать в реальности и 25 % [1, с. 97, 123].

Информационная политика КПК, которая стремится представить Китай как бедную, слаборазвитую страну, по мнению авторов, является полностью лживой, однако очень эффективной. Международный валютный фонд оценил долю Китая в мировом валовом продукте 2009 г. в 16 %, но сегодняшние прикидки позволяют сказать, что его доля равна доле США и составляет 20 %. Следовательно, валютный курс должен быть максимум 3 юаня к доллару вместо 6,85, как сейчас. Китайская статистика оценивает его торговый профицит примерно в 300 млрд \$ в год, а в соответствии со статистикой торгующих с ним стран он составляет 600 млрд \$ [1, с. 40, 98, 99].

Юань, поддерживаемый на умышленно низком уровне, позволяет Китаю постоянно иметь колоссальный внешнеторговый профицит, что обуславливает огромный внешнеторговый дефицит стран «Большой семерки». Этот дефицит подавляет экономическую активность и занятость стран этой группы. Западные правительства отвечают на это различными рискованными уловками, которые, в конечном счете, еще больше усугубляют ситуацию в экономике, банковской и бюджетной сферах [1, с. 134]. США смогли избежать роковых последствий только благодаря особой роли доллара как резервной валюты, но и они впали в рецессию в декабре 2007 г.

На макроэкономическом уровне Китай со своими низкими зарплатами и заниженным обменным курсом является «Эльдорадо» для фирм развитых стран, которые здесь снабжаются и заключают субконтракты на часть производимой продукции или некоторые сегменты производства, причем они занимаются этим тем охотнее, чем ниже обменный курс [1, с. 107].

Китайское господство усилилось настолько, что оно через давление способно усмирить любую фирму или правительство. Как пишут авторы, «...Китай таким образом, создает во всем мире нечто вроде привыкания экономики к его политике. Если не противодействовать этому привыканию, оно приведет не иначе как к порабощению» [1, с. 109].

Отныне Китай, извлекая прибыль из передачи технологий, в состоянии лидировать почти во всех секторах мировой экономики, по крайней мере, в перспективе, сначала в количественном отношении, а затем и в качественном. И авторы с ужасом констатируют: «Это представляет смертельную опасность для транснациональных корпораций, даже если по отдельности они имеют краткосрочный интерес в Китае» [1, с. 102].

Авторы безапелляционно заявляют: «Именно Китай со своей политикой внешнеторгового профицита вызвал кризис в США и мире». Щедрое китайское участие в финансировании американского государственного дефицита, позволившего поддерживать процентные ставки на низком уровне, не было счастливой случайностью, а оказалось скорее ловушкой, чем подмогой. Американцы надеялись, что китайцы помогут им в условиях кризиса, но китайцы, напротив, стали противодействовать стабилизации финансового положения. При этом Китай отказывается обсуждать курс юаня.

В совокупности рецессия «Большой семерки» длилась с середины 2007 г. до середины 2009 г., затем сменилась некоторым оживлением, которое является непоследовательным и не может вывести Запад на уровень

2007 г. Напротив, экономика Китая в 2007–2010 гг. являла собой полный контраст этой ситуации. Китай за 15 лет накопил валютный резерв в 4 трлн \$. Эта финансовая власть избавляет Китай от необходимости сотрудничества с экономическими партнерами. Около 50 % мирового производства металлов потребляется Китаем, а в начале 2013 г. он сравнялся по потреблению нефти с США [1, с. 138, 160, 163].

Китай постоянно разнообразит формы влияния на мировой рынок. Он ведет охоту не только за месторождениями, но и за компаниями, их разрабатывающими; практикует контроль над предприятиями, котирующимися на бирже, и предоставление кредитов в юанях, допуская их погашение в валюте страны-дебитора. Вокруг Китая образуется созвездие стран, связанных с ним торговлей: их валюты занижены по отношению к западным валютам, но меньше, чем юань; эти страны имеют значительные темпы экономического роста, но меньше, чем Китай [1, с. 118, 164, 165]. Деятельность этой системы приводит к деиндустриализации развитых стран.

В целях противодействия принятию невыгодных для Китая решений национальных правительств он создал мощное лобби в развитых странах, особенно в США (с. 176). Авторы приводят слова крупного французского бизнесмена Ф. Крузе: «Если Китай будет так продолжать, мы придем к катастрофе! Нельзя оставаться в схеме, в которой одна из сильнейших держав планеты разрушает промышленность остальных стран...» [1, с. 119].

Авторов не только возмущает близорукость правящих кругов развитых стран, но в еще большей степени пугают планы Китая. Они утверждают, что китайская «политика имеет точную последовательность в рамках достижения определенной долгосрочной цели – заменить американскую гегемонию гегемонией Китая и распространить в мире нормы тоталитарного капитализма» [1, с. 127].

Авторы выстраивают целую доказательную систему наличия у Китая экспансионистских планов, обосновывая это тем, что экономические цели Китая подчинены политической – добиться мировой гегемонии. Что касается чисто экономических целей, то их две: 1) углубить разницу в экономическом росте между собой и «Большой семеркой», 2) сместить доллар и добиться, чтобы в 2025 г. Шанхай заменил Лондон и Нью-Йорк и стал единственным крупным мировым финансовым центром с юанем в качестве мировой валюты [1, с. 140].

Вторая близкая к этому задача – лишить доллар статуса мировой резервной валюты. Тенденция движения в этом направлении уже наблюдается. Центральные банки ряда стран меняют доллар на золото, евро, SDR (Специальные права заимствования). Для этого Китай пытается дискредитировать доллар в глазах мировой общественности и своих партнеров. Он пытается убедить использовать корзину валют при покупке нефти вместо доллара. На самом деле он пытается внедрить использование в этих целях юаня [1, с. 153, 154].

Параллельно Китай пытается капитализировать свои достижения в торговом, экономическом, валютном и финансовых планах, чтобы сосредоточить усилия на других аспектах запланированного противостояния: в технологическом плане в проведении смелой политики в области высшего образования и, в особенности, в сфере НИОКР.

Достижение стратегических целей Китай осуществляет через решение ряда задач:

- в геополитике он строит политику союзов (стран-союзников), по примеру США конца Второй мировой войны, на основе стран третьего мира, опираясь на союз с Россией;
- в международном плане стремится обезвредить союзников США и оставить их без их поддержки;
- в дипломатическом плане он превращает некоторые страны в своих «политических клиентов»;
- в военном плане – Китай постоянно увеличивает военные расходы и быстро наращивает свой военно-стратегический потенциал, чего не могут позволить себе США. В марте 2009 г. была создана сеть китайского кибершпионажа. «...Разумно полагать, что к 2025 г. китайская армия будет превосходить по мощи американскую, если существующие различия в темпах роста сохранятся...»;
- имеет территориальные претензии ко всем своим соседям и осуществляет «ползучую аннексию», в частности, организовал приграничную колонизацию соседей избыточным мужским населением, обостряет отношения с Японией по поводу спорных островов в Южно-Китайском море, стремясь при этом вывести американский флот из региона;
- в идеологическом плане старается подкупать за рубежом интеллектуалов, СМИ, политических деятелей, ориентируя их на создание режима лояльности населения их стран к КНР и убедить их отказаться от демократии и утвердить тоталитарный капитализм;
- в географическом плане ведет политическую охоту за месторождениями полезных ископаемых, приобретает месторождения руд, сельхозугодья, поставив этот процесс на поток, чтобы разграблять целые страны, фактически лишая их суверенитета, для того чтобы в перспективе манипулировать ценами и поставками на сырье;
- в культурном плане Китай пытается заменить английский на китайский в сфере международных коммуникаций и продвигает китайскую культуру, в том числе телесериалы [1, с. 135–140, 165, 166].

Как пишут авторы: «Все выглядит так, будто истинной целью Китая является глубокий кризис западных стран, подобно кризису 1929 г. Как только это стало возможным, в соответствии со стратегией Китая, он перестал осторожничать, чтобы ускорить желаемое развитие мировых дел, приподнял завесу, скрывающую его намерения и огромное желание заменить США во главе мира» [1, с. 140].

С болью и печалью авторы пишут о близорукой политике, проводимой странами западной цивилизации: «Деиндустриализация западных стран началась в 1970-х годах. В это время “ученикам чародея”, которые управляют ВТО, удалось навязать свои взгляды; они провели либерализацию в мировой торговле без каких-либо страховочных мер, что стало первым импульсом к деиндустриализации западных стран» [1, с. 41].

Они констатируют, что в современных условиях от Китая исходит угроза странам демократического капитализма, но существующая экономическая ситуация, созданная его политикой, выгодна ведущим западным корпорациям и финансовым институтам, которые противодействуют своим правительствам в изменении системы взаимоотношений с КНР. Западные корпорации по-прежнему предпочитают создавать новые промплощадки в Азии, сокращая производство в своих странах.

Правительства понимают опасность китайской гегемонии, но бизнес, видя только краткосрочные перспективы, не хочет терять данный источник прибыли и отлаженные механизмы бизнес-коммуникаций. Это отчасти напоминает «политику умиротворения» французской и английской демократий в конце 1930-х гг. в связи с частыми нарушениями международного порядка империалистическими тоталитарными государствами – Германией, Италией и Японией» [1, с. 172, 185].

Они подчеркивают фактор слабости, характерный для демократических государств. По их убеждению, они относительно робкие, именно потому что «демократические», и их лидеры вынуждены проходить через испытание выборами через определенные промежутки времени. И руководители стремятся сохранить свои должности и предпочитают, как правило, сосредотачиваться на мелочах и краткосрочных решениях и поисках компромисса. Напротив, тоталитарные государства имеют преимущество в том, что их лидеры могут реализовывать долгосрочную стратегию и придерживаться ее, не заботясь о результатах выборов.

Жесткой критике авторы подвергли и позицию своих коллег из ученого сообщества, заявляя, что молчание или успокоенность научных кругов обусловлено их зависимостью от финансовых структур. Они отвергают концепцию нормальности профицита развивающихся экономик по отношению к развитым, ибо если развивающиеся страны будут иметь профицитную торговлю, то развитые страны должны иметь дефицитную торговлю, которая является большим препятствием для их роста, какими бы гениальными не были бы их инновации.

Они пишут: «“Добрые души”, сторонники солидарности с “третьим миром”, должны были бы больше думать о тех социальных издержках и человеческих трагедиях, которые неизбежны вследствие увольнения и безработицы в развитых странах» [1, с. 169, 181].

Что останется в перспективе развитым странам, если у них дефицит в торговле промышленными товарами, в торговле сельскохозяйственной продукцией, в торговле энергоресурсами и скоро, если дела будут так идти и дальше, в торговле некоторыми «услугами предприятиям»? Тогда единственными отраслями по производству экспортных товаров и услуг, которые эти страны смогут сохранить, будут некоторые отрасли высокотехнологичной деятельности и разные отрасли, относящиеся к туризму [1, с. 120].

Пока доллар сохраняет статус мировой валюты, США могут позволить себе жить на уровне страны с положительным внешнеторговым балансом. Но

если валюта станет только национальной, США придется жить по средствам, и финансирование военного бюджета превратится в проблему.

Авторы не верят в благостные сценарии развития мировой экономики и их страшат возможные перспективы их реализации. Сценарий, при котором Китай является мастерской мира, а Европа и Америка будут специализироваться на нематериальном производстве и НИОКР, не может осуществиться.

Промышленные инновации, сделанные на Западе, найдут свое применение в Азии, а в дальнейшем даже сами эти инновации будут производиться там: Индия и Китай выпускают ежегодно больше инженеров, чем все развитые страны мира вместе взятые! Современная политика Китая включает в себя деиндустриализацию развитых стран сегодня и полный перенос НИОКР в Китай завтра.

Авторы подтверждают обоснованность своих опасений, указывая, что в менее оптимистичном сценарии, обнародованном западными экономистами, западным странам будет отведена роль культурного и туристического пространства (именно такая роль была отведена Франции в планах Гитлера) [1, с. 184–185].

Убедительность своих зловещих предсказаний авторы подкрепляют также историческим экскурсом в кризис 1929 г., реально закончившийся только в 1948 г. (благодаря девальвации европейских валют по отношению к доллару), который появился в результате огромного торгового дисбаланса между профицитом США и дефицитом Европы. Он ознаменовал собой переход гегемонии от Великобритании к США. Современный кризис имеет ту же сущность, но в этот раз Китай находится в роли вчерашних США, а западный мир – в роли Европы [1, с. 211].

Переход мира к китайской гегемонии взамен английской и американской, предупреждают авторы, создаст особые проблемы. «Какими бы ни были многочисленные укоры в адрес государств-гегемонов последних двух или трех веков, следует подчеркнуть, что их доминирование, иногда очень жестокое, в конечном счете, способствовало распространению “демократических” ценностей. Модель тоталитарного капитализма Китая вызывает намного больше тревог: возникает угроза возвращения к “восточному деспотизму”» [1, с. 169].

Не оставили они без внимания и нашу страну, предупреждая, что «мираж БРИК может привести Россию только к положению государства-эмирата, не имеющего собственной обрабатывающей промышленности, что было бы самоубийственным для страны. Это могло бы привести к ослаблению, вероятно, фатальному с точки зрения территориальной целостности страны...» [1, с. 207]. Предупреждая, что китайские территориальные притязания аргументируются «историческим» правом.

Авторы крайне невысокого мнения о мерах, предпринимаемых Евросоюзом и США по предотвращению кризисных трендов, проявляющихся в мировой экономике. Они считают, что «европейское решение» ведет прямо к рецессии и, может быть, к серьезным трудностям для евро; «американское решение» могло бы привести к облигационному кризису и к утрате долларом его привилегированного статуса. Во избежание этой дилеммы важно, чтобы развитые страны договорились о восстановлении равновесия в миро-

вой торговле таким образом, чтобы их дефициты могли постепенно снижаться. И предлагают свой рецепт: «...Для этого им нужно быть готовыми выйти из ВТО» [1, с. 214].

И, одновременно с деструктивным, предлагают и конструктивный ход: «...Чтобы незамедлительно создать “ВТО-2”, которая будет точной копией нынешнего ВТО, за исключением двух ключевых изменений в уставе»: прием только для стран с конвертируемой валютой и введение строгих санкций, вплоть до исключения при использовании валютного протекционизма [1, с. 195].

При этом они трезво оценивают последствия такого решения: «Разрыв существующих отношений с Китаем неизбежно привел бы к ответным мерам, репрессалиям, непредвиденным событиям и к более или менее серьезным потрясениям, к периоду полной неопределенности, в течение которого рынки могли бы рухнуть, так как они не любят неопределенности. Тем не менее, это единственный разумный путь в долгосрочной перспективе». И пессимистично заявляют, что «...понятно, что политики боятся принять подобные решения, учитывая последствия, которые они могут повлечь в ближайшем будущем» [1, с. 186].

Таким образом, совокупность взглядов Антуана Брюне и Жан-Поля Гишара, изложенная в данной книге, являет собой фактически обоснованное и аргументированное предостережение лидерам западной цивилизации о ее возможном закате и необходимости решительных и незамедлительных действий по борьбе с нарождающейся гегемонией Китая и восточной цивилизации в целом.

1. *Брюне А.* Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения : пер. с фр. / Гишар Жан-Поль, Брюне Антуан. – М. : Новый хронограф, 2012. – 232 с.

The Threat of Western Hegemony

Yu. A. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns the analysis of the monograph by Brunet A., Guichard J.-P. "Geopolitical Mercantilism: a new perspective on the world economy and international relations". It deals with historical, socio-economic, ideological, and theoretical foundations of the authors' concept.

Key words: geopolitics, mercantilism, the history of English and American hegemony, China, Japan, EU, WTO, East, West.

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Иркутского государственного университета, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–410 б, тел. 8(3952)334372, e-mail: uzulyar@yandex.ru

Zulyar Yuriy Anatolievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, the Irkutsk State University, Irkutsk, Karl Marx St., 1–410 b, phone 8(3952)334372, e-mail: uzulyar@yandex.ru